

Вырезка из газеты

ПЕНЗЕНСКАЯ
ПРАВДА

г. Пенза

1 ИЮН 1986

А. ЧЕРНЫШЕВА

«Чертенята» на сцене

Субботние встречи

Елену Валентиновну Иванову знают в Пензе как актрису драматического театра имени Луначарского. Зрители видели ее в спектаклях «Гнездо глухаря», «Эшелон», «Варвары», «Сирано де Бержерак» и других. Менее известна другая сторона творческой деятельности актрисы — ее работа с детьми. Седьмой год Елена Валентиновна руководит студией драматических миниатюр «Росток» при ДOME работников просвещения.

Студию «Росток» постоянно посещают более 50 школьников вторых—десятих классов. Они занимаются музыкой, танцем, сценическим движением, актерским мастерством. Но здесь учатся не только читать стихи, но и читать книги, не только играть на сцене, но и общаться с другом, жить интересами коллектива. «У вас не студия, а клуб», — говорят иногда Елене Валентиновне. Она не возражает.

Действительно, из всех, кто прошел за шесть лет через студию, только трое выбрали актерскую профессию. А остальные... О них-то и была наша беседа с Е. В. Ивановой.

— Елена Валентиновна, 50 человек — это, можно считать, полтора разновозрастных класса. Сколько часов в день уходит у вас на «уроки»?

— Не менее четырех. Как правило, — более.

— Не устаєте от детей?

— Нет. Волнуюсь, огорчаюсь, мучаюсь из-за них — да. Усталости нет.

— Когда-нибудь думали о педагогическом призвании?

— В чистом виде — нет. Я выросла в театральной семье и с детства знала, что пойду на сцену. Но каждый актер в какой-то степени педагог, а режиссер — тем более. Еще в школе я вела драматический кружок. И потом, когда училась в студии в Ставрополе. И когда стала актрисой... 25 лет работаю с детьми.

— Чем это для вас интересно?

— Я много беру от них. Есть у нас, например, Андрей Поляков — незаменимый лидер студии, настоящий чудо. Мало того, что он одарен как актер, он талантлив чисто по-человечески. Непревзойденный организатор — ребята так и тянутся к нему. Справляется там, где я не возьмусь. Умница, интеллект, но не книжный червь — человек действия, ясный во всем, беспощадный ко всему, что мешает настоящему делу. В этом году идет служить в ряды Советской Армии.

— Как вы находите таких?

— И такие, и другие приходят сами. Принимаем всех, без экзаменов. И на плохих, хороших тоже не делим. Говорим: «Походи, посмотри, может, останешься, может, уйдешь». Кто сморит день, кто — месяц. Видят, что здесь дело и делается оно не абы как. Остаются, как правило, те, кого интересует театр, и те, кому время девать некуда. Эти, вторые, мне тоже очень ценны, даже если они без сценической искры.

— Почему?

— Вместо ответа я расскажу, как у нас выступал Ролан Быков. Он был в Пензе с концертами, и я попросила его найти для «Ростка» хотя бы 15 минут.

Он пришел в перерыв между концертами и говорил с ребятами полтора часа. (Бесплатно, конечно). Знаете, что он им сказал? «Ваше счастье — в этой студии. Театр — дело случая. Мне повезло, я стал актером. Многие и более талантливые, чем я, — не стали. Большинство из нас тоже не станет. Но студия даст вам другое: научит мыслить и чувствовать. Вы родитесь здесь как личности, потому что все вместе занимаетесь делом с большой буквы — Творчеством».

Меня поразило, о чем он им говорил: о человеческой сущности, о преданности делу, о мецанстве и илюбстве — то есть о наших взрослых проблемах. И как говорил: как с равными. А в

зале сидели и восьми-, и шестнадцатилетние. Я думала: «Поймут ли малыши?» Потом дошло до меня: когда, как Ролан Быков, воздействуют силой души, дети все понимают.

— Вы сказали, что многие из них уже шесть лет рядом с вами. Меняются ли они у вас на глазах?

— Наверное, меняются. Но как знать: от студии или сами по себе? Одно скажу — в студии нельзя быть равнодушным. У нас общее дело. Ушел от него — уходи совсем.

А если остался — будет награда. Когда участвуешь в общем деле, когда приходишь успех для всех и для тебя тоже, когда ощущаешь свою необходимость, — нужно, когда к тебе бегут и кричат: «Миленький, куда ты пропал, мы без тебя не можем», тут и сердце взрослого не устоит, а детское — тем паче. Самый ершистый, самый «трудный» сдастся и начинает «пропадать» в студию. Если раньше он спешил на улицу, в кино, в дискотеку — теперь в наш клуб. И, конечно, студия меняет его жизнь.

Сколько раз у меня повторялась одна и та же история с родителями. Сначала они говорят: «Вы увели от нас нашего ребенка». А потом: «Тем, кто ходит в студию, и жить, и думать интересней».

— Помогают?

— Сколько угодно! Людмила Григорьевна Малькова привела к нам сына и осталась сама. Теперь вместе со мной руководит студией, занимается с ребятами музыкой. (Бесплатно, конечно). Софья Витальевна Антипенко шьет с нами костюмы. Галина Александровна Сафронова помогает с магнитофонными записями...

— Так кто же студии — дети или родители? Кто создает спектакли?

— Дети. Все делается их руками. Это наш принцип. В спектакле «Эй, ты, здравствуй!» играли двое, а делала его вся студия.

Меня даже укоряют: «Вы идете у ребят на поводу» — в том смысле, что я доверяю

им все дела, разрешаю участвовать во всем, что касается спектакля.

Да, разрешаю. Меня волнует, что наши дети, особенно мальчики, растут инфантильными, не готовыми к трудностям. И все потому, что мы слишком долго водим их за ручку. Ребятам нельзя то, нельзя это. Нельзя к дрели, нельзя к станку, нельзя к электроприборам. Выключатель — тоже электроприбор. А в войну доверяли подросткам не только станки — снаряды. За кого мы боимся — за них? Или за себя — ответственности боимся?

— И все же: бывает трудно?

— Дети есть дети. А мои артисты — сплошь и рядом чертенята. По струнке не ходят. Струнка и творческий порыв не всегда совместимы. Как-то после спектакля пришел ко мне восторженный паренек: «Я готов обнять ваших ребят. Возьмите меня в студию». А я ему: «Ты присмотришься. Может, не выдержишь». И правда — не выдержал. Не поверил, что из кипящей ребячьей бучи может что-то получиться.

— Но ведь получается?

— Получается. Но как я ссорюсь с ними порой. Считаю: нужно ссориться.

— Поводы?

— Главный — отношение к делу. Не терплю предательства даже в мелочах. Сегодня он не пришел на репетицию, завтра опоздал на спектакль, а послезавтра это выльется в пренебрежение к делу, к окружающим.

— Есть у вас мечта про вас и ваших ребят?

— Я понимаю, что детская театральная студия при клубе — слишком бурный организм для него. Лучше — детский самостоятельный театр со своей крышей и прочей автономией. О нем и мечта. Не только о нас речь — в городе несколько хороших детских коллективов. А ТЮЗ Пензе очень нужен. Как сказал Ролан Быков, если маленький человек попал в театр, пусть даже понял не все, что происходит на сцене, он об этом не забудет никогда.